

Той ночью Лу Ваньчэн умер на глазах у Линь Цинюя.

У него были длинные ресницы, безмятежное выражение лица, праздничное красное одеяние, а тело было чистым и ясным. Одну его руку держал Линь Цинюй, а другую он положил на подлокотник инвалидного кресла, как будто действительно просто спал. Без опоры его голова наклонилась вбок, так же как раньше, когда он дремал в инвалидном кресле.

Линь Цинюй бессознательно уронил зонтик в руке и поддержал холодную щеку Лу Ваньчэна.

Без прикрытия зонта снег бесшумно падал на их волосы, лица и плечи.

Человек из Сюн Си рассказал Линь Цинюю о похоронной церемонии. Он очень хорошо все запомнил, но сейчас немного растерялся – Лу Ваньчэн мертв, что ему теперь делать?

Хуань Тун очень волновался и пришел во двор, чтобы посмотреть на ситуацию. Он увидел своего молодого господина, стоящего на одном колене перед инвалидным креслом, яркое красное свадебное одеяние раскинулось на снегу, а длинные волосы закрывали лицо. Одной рукой он держал руку молодого мастера Хоу, а в другой – его щеку. Рядом лежал засыпанный снегом открытый зонтик.

Оба были неподвижны как статуи.

«Молодой мастер Хоу!»

Линь Цинюй услышал крик позади себя – это был голос Хуань Туна.

Он был человеком, которого Линь Цинюй привел из резиденции Линь. Вначале, как и господин, он ненавидел все в резиденции Наньянь Хоу. Кто бы мог подумать, что, в конце концов, он будет так печально плакать по Лу Ваньчэну.

Менее чем за год... У Лу Ваньчэна была действительно редкая способность быстро покорять сердца людей.

Хуань Тун встал на колени перед инвалидным креслом, задыхаясь от плача. Его громкий плач вернул к реальности совершенно растерянного Линь Цинюя.

Лу Ваньчэн мертв. Может быть, он переродился в каком-то причудливом мире, а может действительно умер.

Никто не подскажет ему, и он не знает, сможет ли дожждаться ответа. Но, несмотря ни на что,

он пообещал Лу Ваньчэну, что посмотрит, как тот уйдет, а потом будет жить хорошей жизнью.

Он уже сделал первую половину.

Линь Цинъюй медленно встал. Он слишком долго оставался в одном положении, а когда встал, в глазах на мгновение потемнело, и он чуть не упал, но, в конце концов, обрел равновесие.

«Не плачь, — услышал он свой голос, — разве ты не слушал человека из Сюн Си. Если ты прольешь на него свои слезы, то в будущем никогда не увидишь его в своих снах».

Хуань Тун дрожащим голосом сказал: «Мастер...»

Линь Цинъюй постепенно вспомнил слова человека из Сюн Си и глухо приказал: «Перенеси его в дом и накрой белым шелком. Не нужно переодевать его в погребальное одеяние, пускай его похоронят в этом наряде. Закончив, ты можешь сообщить всем о смерти Ваньчэна. — Он сделал паузу, а затем сказал: — Кстати, тебе нужно нести его на спине, а не как принцессу».

Хуань Тун задыхался от слез и кивал.

«А как насчет вас, молодой мастер?»

«Я собираюсь переодеться».

Он не может позволить другим увидеть его в свадебном наряде и с нарисованным хуадянь. Только Лу Ваньчэн мог видеть его таким, никто другой.

...Оповестить родственников и друзей о смерти, положить покойного в гроб, бдение рядом с гробом... Похороны Лу Ваньчэна были хорошо устроены и прошли слаженно и чётко. Линь Цинъюй был очень практичным во всем, даже когда в резиденции Наньань Хоу царили беспокойные времена, и ситуация была сложной, он все же устроил Лу Ваньчэну красивые похороны.

Когда новость пришла во дворец, императрица очень опечалилась. Ребенок, рожденный ее преждевременно ушедшей из жизни сестрой, все же не дожил до двадцати лет. Еще она думала, что ее собственный ребенок тоже далеко, в другом дворце, и даже навещать его было так трудно. Каждый день ей приходилось спокойно наблюдать за тем, как при дворе блистают чужие сыновья, и ее горе было трудно описать словами.

Императрица тайно плакала во дворце Фэнъи. Она не могла выйти из дворца, поэтому отправила доверенного евнуха, чтобы почтить память покойного и выразить соболезнования семье Хоу. Император был сострадателен к подданным, он пожаловал много вещей и позволил Наньань Хоу восстанавливать силы в спокойствии резиденции. Что касается множества дел Министерства доходов, то об этом может позаботиться наследный принц.

Когда Вэнь Гогун и его жена узнали, что их внук умер от болезни, то старики тоже не сдержали слез. Они были стары и не могли смотреть на эту душераздирающую сцену, поэтому выбрали несколько способных управляющих, чтобы помочь жене их внука позаботиться о похоронах. Они знали, что внук заботится о своей жене, иначе он бы не просил их несколько раз о помощи только потому, что не хотел, чтобы жену беспокоили домашние дела резиденции.

Помимо семьи Лу, большую часть соболезнующих составляли чиновники суда и их семей. В траурном зале приходящие люди могли лично увидеть супругу-мужчину, брак с которым пожаловал лично император. Однако тот сидел на коленях перед гробом в траурной одежде, и выражение его лица было равнодушным, от начала и до конца он не пролил ни одной слезинки. Посреди траурного зала размещены большие слова «Делать приношение» и развеваются белые флаги – все это придает его бесподобной красоте оттенок коварства.

В течение месяца из резиденции Наньань Хоу друг за другом ушли два молодых мастера. Хозяин был прикован к постели болезнью, а хозяйка сошла с ума. Это было невероятно и уму непостижимо. Множество сплетников любят обсуждать этот случай между собой: мужем и женой могут называться только мужчина и женщина, когда двое мужчин женятся, они идут против неба. Не говоря уже о том, что супруга-мужчина так красив, как может больной юноша выдержать это. Нет, это расплата за ошибки... Видно, что радостное событие в резиденции Наньань Хоу в тот день было не счастьем, а бедой.

Днем шел нескончаемый поток скорбящих, и только ночью Линь Цинью мог обрести покой.

Хуа Лу рыдала и бросала ритуальные бумажные деньги в жаровню, она плакала печальнее всех в Павильоне Голубого Ветра.

«О чем тут плакать? — спокойно сказал Линь Цинью. — Разве я не говорил тебе раньше, что он не переживет зиму?»

Хуа Лу не могла остановить рыданий, все ее лицо было залито слезами.

«Но, но... Шаоцзюнь, вам действительно совсем не грустно?»

Линь Цинью был застигнут врасплох и сказал: «Все в порядке».

Все было так, как он ожидал. Еще в первый раз, когда увидел Лу Ваньчэна, он знал, что тот не проживет долго. Есть год, чтобы подготовиться морально, о чем тут грустить.

Линь Цинью посмотрел на ритуальную табличку Лу Ваньчэна. Но как бы он ни смотрел, чувство неправильности не исчезало. После долгих раздумий он, наконец, понял, что не так. Он резко встал и сказал: «Здесь ошибка».

«Шаоцзюнь, о чем вы говорите?»

«Его зовут не "Лу Ваньчэн"».

Пань Ши и Хуа Лу переглянулись. Пань Ши подумала, что Линь Цинью слишком долго не отдыхал, и его рассудок помутился, она начала уговаривать: «Шаоцзюнь, почему бы вам не вернуться в комнату, чтобы немного отдохнуть? Я останусь в ритуальном зале».

Линь Цинью покачал головой и повторил: «Его зовут не "Лу Ваньчэн"».

Пань Ши беспомощно спросила: «Его зовут не "Лу Ваньчэн", так как его зовут?»

Линь Цинью открыл рот: «Его зовут Цзян...»

Голос резко оборвался.

Плач не прекращался - безутешный, прерывистый и раздражающий шум.

Линь Цинью постарался отрешиться от этих голосов. Он никогда и ничего не забывает, если он хоть краем уха слышал, то не забудет. Пока этот человек сказал, он обязательно это вспомнит.

Однако, он долго думал и думал об этом. Все уже давно ушли, и он один остался в траурном зале, но так и не смог вспомнить имя этого человека. Он вспомнил только ту чепуху, которую говорил этот человек в ночь Праздника середины осени:

«Моя фамилия Чжу, и зовут меня Дачжуан. Помимо „Ваньчэн“, ты также можешь называть меня „Старший брат Дачжуан“».

«Хорошо, хорошо. Я перестану дразнить тебя. Вообще-то, моя фамилия Цзян, и зовут меня...»

Линь Цинью в голос рассмеялся. Свет свечи освещал его бледное и безжизненное, но бесподобно прекрасное лицо. Он медленно спрятал улыбку, после этого никакие чувства больше не отражались на его лице.

Именно так до рассвета он безучастно сидел перед гробом мужа.

Время после смерти Лу Ваньчэна пролетело очень быстро, в мгновение ока наступил седьмой день траура*.

[Примечание: 七日 / tóuqī. Седьмой день траура. После смерти человека каждые семь дней совершается жертвоприношение, и первые семь дней после смерти называются «тоуци». Говорят, что до этого дня умершие не знают о своей смерти, и души мертвых вернуться в дом. Скорбящие семьи приглашают монахов читать Священные Писания перед душами, чтобы

принести жертвы.]

Согласно легенде, душа умершего вернется домой в первые семь дней, чтобы в последний раз увидеть родных, и только тогда он сможет со спокойной душой перевоплотиться. Ночью седьмого дня души возвращаются, члены семьи должны удалиться от ритуального зала, и во сне они смогут встретиться с умершими.

Линь Циньюй никогда не верил в это, но все равно рано лег спать. Может быть, сказалось переутомление последних дней, но вскоре он заснул.

Во сне он смутно слышал, как кто-то зовет его по имени. Голос незнакомый, но тон очень узнаваемый, небрежный и скрывающий улыбку – как у того человека.

Линь Циньюй внезапно открыл глаза. Он думал, что встретит Лу Ваньчэна, но неожиданно увидел незнакомого молодого человека.

Юноша был высокий и стройный, с широкими плечами и длинными ногами, в необычной одежде, которую он никогда раньше не видел. Аккуратная короткая стрижка, черты его лица изысканно тонкие, приподнятые брови и глаза придают его облику ленивый и расслабленный вид, красивый юноша выглядел невыспавшимся.

Незнакомец сел на пол, прислонившись к кровати, а увидев, что он проснулся, с улыбкой позвал: «Циньюй».

Линь Циньюй растерянно уставился на него.

«Я не лгал тебе, верно? — Юноша взял себя за подбородок и со смехом сказал: — Я выгляжу намного лучше, чем Лу Ваньчэн?»

Линь Циньюй ошеломленно кивнул.

Юноша снова спросил: «Мой голос лучше, чем у него?»

Линь Циньюй снова кивнул.

Молодой человек схватил его за руку и положил себе на низ живота.

«Вот, потрогай мой пресс».

На юноше было только тонкое одеяние с короткими рукавами. Линь Циньюй почувствовал так называемый пресс – теплые и упругие мышцы, полные жизненной силы и очень реальные.

...Это сон? Этот человек – «Лу Ваньчэн», которого он себе представлял?

Молодой человек некоторое время смотрел на него, а потом вздохнул.

«Так трудно снова встретиться, почему сейчас ты такой глупый? Если ты не заговоришь, я уйду».

Линь Цинъюй забеспокоился и схватился за подол одежды юноши.

«Куда ты идешь?»

«Передо мной только одна дорога, я могу идти только вперед. А куда ведет эта дорога, я не знаю. Ты помнишь наш секретный код?»

Линь Цинъюй немедленно подтвердил это.

Юноша довольно улыбнулся и встал.

«Мне пора».

Линь Цинъюй последовал за ним и встал с кровати только для того, чтобы понять, что юноша на полголовы выше его.

«Имя, — нетерпеливо спросил Линь Цинъюй, — как тебя зовут?»

Молодой человек промолчал, вдруг он остановился и подхватил его на руки. Линь Цинъюй был застигнут врасплох и неосознанно обнял юношу за шею. Тот счастливо улыбнулся и сказал: «Ты такой легкий, легче, чем я думал».

Этот человек никому другому не позволял обнимать себя как принцессу, но так легко поднимает других и держит как принцессу.

Линь Цинъюй хотел высмеять его, но подумал, что этот человек уже мертв, и они были во сне, он проглотил готовые сорваться слова и задал самый важный вопрос: «Как тебя зовут? Если ты не скажешь мне, что я напишу на твоей ритуальной табличке?»

Юноша положил его обратно на кровать и встал на одно колено перед кроватью, точно так же, как он стоял в тот снежный день перед инвалидным креслом.

«Если я смогу вернуться, то скажу тебе. Если я не вернусь, ты будешь относиться ко мне так, как будто я никогда не появлялся».

«Нет, я хочу, чтобы ты сказал мне это сейчас».

Юноша проигнорировал его, повернулся и пошел в ночь, повернувшись к нему спиной и помахав рукой.

Линь Цинюй хотел догнать его, но его ноги, казалось, пустили корни, и он не мог пошевелиться.

«Цзян.....»

Цзян что?

Линь Цинюй пробудился ото сна и увидел, что небо совсем посветлело, а комнату заливают тусклый, но красивый свет.

<http://bllate.org/book/15122/1336658>